

А.А. ДВОРЕЦКАЯ

*ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ФАКТЫ В СОВРЕМЕННОЙ
ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ, РОМАНИСТИКЕ
И РИМСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ*

Среди юридических фактов есть две категории, чей эффект не ограничен одним институтом, а распространяется на все правовое поле. Это — время и ошибка [1, 78]. К какому виду юридических фактов время (сроки, их истечение) относили древние римляне? Взгляды какого ученого ближе стоят к воззрениям римлян на временной факт? Есть ли преемственность в правовой оценке темпоральных категорий между римским правом и современной доктриной? Эти и другие вопросы затрагивает наше исследование темпоральных категорий в римской юриспруденции и романистике.

Итак, время — важный элемент в многочисленной цепочке юридических фактов. Пандект писал: “Не только само время может быть юридическим фактом, но и другие факты из-за своей связи с ним могут стать юридическими” [2, 262—263].

Если исходить из того, что юридическими считаются факты, устанавливающие, изменяющие и прекращающие правоотношения, то бывают ситуации, когда срок имеет правовое значение, но юридическим фактом не является. Это касается случаев, когда за сроком признается значение существенного условия договора (например, в договоре поставки и т.п.). При этом юридическим фактом, порождающим конкретные правоотношения, будет сам договор. Но срок относится к юридическим фактам как социальным, имеющим значение для права. В данном исследовании автор исходит именно из этого понятия юридического факта.

В современной правовой доктрине существуют разные подходы к определению места времени среди общей массы юридических фактов. Очень распространено мнение о времени как о неволевым факте. Так, О.А.Красавчиков [3, 166—168], позже В.С. Афанасьев [4, 242] исходили из определения времени как необратимого, абсолютного события. Нам также близка точка зрения о времени как о неволевым факте с уточнением, что более корректно говорить не о времени как таковом, а об (ис)течении времени или о фактах-сроках. Сразу отметим, что в современной теории юридических фактов многие ученые [3; 5, 72] отличают срок и истечение времени. Срок как отрезок времени имеет начало, конец и продолжительность. Есть ли различие между сроком и истечением вре-

мени в римском праве? За какой составляющей срока древние римляне признавали значение юридического факта?

Насколько оправданно сегодня представление о фактах-сроках как неволевым фактах? “Настало время отделаться от этого весьма приблизительного мнения, так как время само по себе не устанавливает, не изменяет и не прекращает правоотношение” [6, 74]. Так, М.И. Глушков [7, 147], не отрицая деятельности людей, сроки относил к относительным событиям. В.П. Грибанов [8, 8–10], позже С.М. Попова [9, 82], исходя из волевого характера установления и возможности прерывания или восстановления сроков людьми, приходят к выводу, что “юридические сроки в системе юридических фактов занимают самостоятельное место наряду с действиями и по своему характеру представляют нечто среднее между ними (между событиями неволевого характера и действиями. — *Авт.*)”.

В.В. Луць [10, 37–43], отмечая временную форму движения правоотношений, относит срокам самостоятельное место между событиями и действиями. Время — это процесс разворачивания актов и событий. Оно выражает длительность фактических ситуаций, т.е. является предпосылкой для разделения юридических фактов на одномоментные и длящиеся фактические состояния.

Е.А. Суханов [11, 70–76] выделяет специфические черты сроков, выводящие их за рамки действий и событий. К событиям он относит сроки, выраженные продолжительностью, стадиями материальных процессов (течением жизни, достижением определенного возраста, периодом речной навигации и др.) и к особой группе юридических фактов относит сроки, исчисляемые годами, месяцами и др.

Сторонники точки зрения на (ис)течение времени как неволевой факт исходят из положения, что последнее могло стать основанием для приобретения правоспособности (например, по достижении 14 лет для лиц мужского пола и 12 — для женского), для приобретения и утраты субъективных прав — на сегодняшний день этот срок давности называется правоустанавливающим или правопрекращающим [12, 160]. В. Джуффре [6] опровергает эти утверждения, аргументируя тем, что не время ведет к приобретению или утрате субъективных прав, а наступившая психофизическая зрелость субъекта, что само по себе тоже является естественным событием. Женщина “*sui iuris*” ставилась под опеку опекуна “*tutela impuberum*” независимо от возраста. Отметим, что “*impuberum*” — это половая незрелость, т.е. женщина “*sui iuris*” по положению приравнивалась к малолетним. Гай объяснял этот порядок присущим женщинам легкомыслием (“*levitas animi*”) [13, 286]. Для мужского пола тоже освобождение “*tout court*” от “*tutela impuberum*” не зависело от возраста, а, как считает В. Джуффре [6, 74–75], от факта наступления половой зрелости, даже если предполагалось, что у женского пола она наступает к 12 годам, а у мужского — к 14. Известно что для мужского пола требовалось индивидуальное и конкретное “*inspectio*” для уточнения “*habitus corporis*” (I. 1. 22pr., *Tituli ex corpore Ulpiani* 11. 28., *Gai* 1. 196).

Таким образом, в рассмотренных случаях истечение срока выглядит как элемент нормативного фактического состава. Этой же точки зрения придерживались и другие ученые. Ф. Пастори, рассматривая время подобно месту разворачивания события, считает его более чем фактом в строгом смысле — конструктивным элементом нормативного фактического состава [14, 492]. В работе [15, 428–429] указано, что срок сам по себе, вне связи с ситуацией, с иными правовыми фактами никакого содержания не имеет, он значим только как срок чего-либо.

Если в приведенных примерах с наступлением даты, времени можно было бы согласиться с В. Джуффре, то в случае исключительно римского приобретения права собственности по “*usucapio*” (по давности) факт течения времени

представляется незаменимым. Юридический эффект связан исключительно с временным фактором как временной формой движения правоотношений (здесь он является самостоятельным юридическим фактом). Ведь нет основания говорить о какой-либо модификации правоотношения или реквизитов “*usucapio*” на протяжении всего срока приобретательной давности. К слову, одним из требуемых правом реквизитов “*usucapio*”, сведенных средневековыми юристами в легко запоминающуюся максиму [13, 404], является именно время: “*res habilis, titulus, fides, possessio, tempus*”. Это означает: подходящая вещь (уточним, чужая в отличие от “*occupatio*”, где вещь должна быть “*nulla*”), законное основание, добросовестность приобретения вещи, непрерывность владения и время. Напомним, право устанавливало срок приобретательной давности для недвижимого имущества двумя годами, а для движимого — годом непрерывного владения [13, 410].

Можно выделить два аспекта течения времени как юридического факта:

1) правоприменитель признает эффективным правовой акт и связывает эффект с определенным фактом с тем условием, что они совершаются в течение указанного времени, ход которого начинается с момента совершения предыдущего факта. Так, эффективность принятия наследства с так называемым инвентарным бенефицием, введенным Юстинианом, зависит от того факта, что наследник начинает инвентаризацию в течение месяца и завершает ее в течение трех или двенадцати месяцев (в зависимости от случая) со дня получения известия о наследстве. По-разному истекает срок бенефиция. Момент истечения срока часто предусмотрен и зафиксирован в процессуальном праве. Так, доказуемость преторских исков была ограничена годом преторских обязанностей, обещанных в своем эдикте [16, 23];

2) существует множество актов и фактов, что производят эффект только после истечения установленного срока. Так, постановление частного судьи (как по “*legis actiones*”, так и в процессе “*per formulas*”) принималось к исполнению только после тридцати дней со времени его оглашения. Сделка с отлагательным сроком начинала производить эффект только с момента наступления этого срока [16, 24].

Надо помнить, что такие или некоторые длящиеся фактические ситуации производят эффект, только если длились непрерывно в течение установленного срока. Так, в “*usucapio*” в случае перерыва давности (“*usurpatio*”) исчисление срока начиналось сызнова, а в случае смерти приобретателя — засчитывалось в пользу его наследника (“*successio possessionis*”) [13, 410]. Напомним, что также “*non usus*” сервитута ведет к его прекращению [16, 24].

Важный момент — *подсчет времени*. Проблема его была обозначена в общих чертах римлянами, но разрешалась автономно в зависимости от разных случаев. Источники дают следующие сведения.

В первую очередь можно говорить о *естественном* (по современной терминологии) *подсчете времени* “*a momento ad momentum*” или “*ad momenta temporum*” и *цивильном* “*ad dies*”.

Согласно естественному подсчету время рассчитывается с любого момента начального дня до того же момента конечного дня (“*a momento ad momentum*” — выражение в Ulp., 11 ad ed., D. 4.4.3.3 и Ulp., 11 ad ed., D. 41.3.6.; “*ad momenta temporum*” — выражение в D. 50, 16, 134). Таким образом, если течение тридцатидневного срока началось в 9 часов утра, то и закончится в 9 часов утра тридцатого дня. Согласно второму критерию каждый день считается целиком без учета часов как единая неделимая единица.

Надо сказать, правило римского права, имеющееся и в нашем позитивном праве тоже, в основном было правилом *цивильного подсчета времени* [12, 161; 17, 50–51], т.е. срок истекал с окончанием последнего дня срока. Начальный день назывался “*dies a quo*”, а конечный — “*dies ad quem*”. Например, если на-

чать отсчет времени с 01.01.2002 г. (“dies a quo”), то срок истечет в полночь 31.12.2002 г., так как для римлян и для нас смена дней выпадает на полночь (“hora sexta noctis” (D. 2, 12, 8)) [18, 87; 19, 182]. Кроме того, считается целиком также начальный день (не имеет значения принцип, действующий сегодня, “dies a quo non computatur in termino”). Относительно последнего дня, в зависимости от случая, применялись два различных правила: иногда для получения определенного юридического эффекта было достаточно, чтобы последний день начался “dies inceptus pro completo habetur”, согласно древнему афоризму (Venul. 5 interd., D.44.3.15 pr.). М. Марроне и Н. Скапини уточняют, что максима “dies inceptur” была сформулирована переводчиками [12, 161; 16, 26]. В других случаях требовалось, чтоб последний день истек полностью (Paul. 4 ad Sab., D. 44. 7. 6).

Римская юстиция и позже Юстиниановская компиляция отдают предпочтение то одному, то второму способу подсчета в зависимости от того, какой будет воспринят как справедливый. Вследствие чего можем вывести установленное правило:

1) обязанное лицо для выполнения действия имеет в своем распоряжении последний день (D. 45, 1, 118, 1; Inst. 3, 15, 2 “...quia totus dies arbitrio solventis tribui debet”);

2) сроки, в течение которых важен момент их истечения, утраты права, предписания действия считаются истекшими после истечения целиком последнего дня (D. 44, 7, 6: “in omnibus temporalibus actionibus nisi novissimus totus dies compleatur, non finit obligationes”);

3) окончание сроков, чье истечение ведет к приобретению права или способности, происходит в момент начала последнего дня предусмотренного периода. Так, приобретение права составления завещания для лиц мужского пола приходится на 14 лет, а для лиц женского — на 12; приобретение права собственности в случае “usucario” приходится на последний день срока.

Гражданский подсчет времени составляет правило в римском праве, а естественный — исключение в том смысле, что первый применяется в конвенциональных или легальных сроках, когда стороны не предусмотрели однозначное применение естественного подсчета времени, а наоборот, когда воля сторон интерпретируется неоднозначно [16, 27; 20, 72–73].

Правовая эффективность чаще всего зависит от периодов, определенных календарем. Редким исключением из этого правила является правовой обычай. О нем говорят: “longa, longaeva, per plurimos annos observata”. В римском праве фактическое состояние, длящееся с незапамятных времен, называется “vetustas” [21, 138].

Важно различие между “tempus continuum” и “tempus utile” (D. 38, 15, 2 (Ulp.); 41, 3, 31, 1 (Pomp.)). Римские источники упоминают “dies continui”, “annus continuus”, также о “dies utiles”, “annus utilis” [22, 189].

Кроме того, обычно имел значение принцип “длящегося” времени, когда его считали по правилам календаря, не пропуская дни. В исключительных случаях, например, касательно сроков для “agnitio bonorum possessionis” (Ulp. 49 ad ed., D. 38.15.2) имел значение принцип “полезного” времени.

Время может быть “полезным”, как говорили традиционно, или “ratione intii”, или “ratione decursus”, или и тем, и другим вместе. В первом случае отсчет начинается со дня, когда можно было сделать то, что надо, и далее время считается длящимся без перерыва. Во втором случае время прерывается из-за невозможности сделать то, о чем шла речь [14, 161; 20, 76–77; 23, 165]. Причинами невозможности выполнить условленное могли быть факты взятия в плен, тюремного заключения на родине, болезни, природных бедствий. В этих случаях нельзя говорить о небрежности.

Таким образом, в римском праве констатируем наличие одной из очень немногих среди юридических фактов детально разработанных теорий — темпоральной.

Во взглядах на время как факт, имеющий значение для права, римская юридическая традиция, подобно романистике и современной теории права, не придерживалась одной точки зрения. Поэтому представляется невозможным отнести время к волевым или неволевым юридическим фактам. Тем более, что имеются примеры и одного, и второго подхода.

В римской юриспруденции основное внимание уделялось более важным с практической точки зрения вопросам — подсчету времени. Более того, в римском правопорядке имеется неизвестный другим правопорядкам темпоральный юридический факт — “*usucapio*”. Этот правовой институт, самым решительным образом регулирующий отношения собственности, происходит из факта длительности непрерывного владения чужой вещью, иными словами, из факта истечения времени. Из наличия института “*usucapio*” можно сделать вывод о большем предпочтении римской юридической традицией в качестве факта, имеющего значение для права, считать не сам календарный период, срок, а факт истечения времени.

Литература

1. *Sanfilippo C.* Istituzioni di diritto romano. Catania, 1964.
2. *Windscheid B.* Diritto delle Pandette. Torino: Unione Tipografico-editrice Milano-Roma-Napoli. 1902. Vol. 1. P. 1.
3. *Красавчиков О.А.* Юридические факты в советском гражданском праве. М., 1958.
4. Общая теория права и государства: Учеб. / Под ред. В.В. Лазарева. М., 1999.
5. *Иоффе О.С.* Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории “Хозяйственного права”. М., 2000.
6. *Giuffrè V.* Il diritto dei privati nell'esperienza romana: I principali gangli. Napoli, 1993.
7. Гражданское право: Учеб. / Под ред. А.Г. Калпина, А.И. Масляева. М., Ч. 1. 1997.
8. *Грибанов В.П.* Сроки в гражданском праве. М., 1967.
9. Гражданское право: Учеб. / Под ред. С.П. Гришаева. М., 1999.
10. *Луц В.В.* Сроки в гражданских правоотношениях // Изв. вузов. Правоведение. 1989. № 1.
11. *Суханов Е.А.* О месте сроков в системе юридических фактов советского гражданского права // Вестн. Моск. ун-та. 1970. № 6.
12. *Marrone M.* Istituzioni di diritto romano: ius, fonti, processo, fatti e negozi giuridici, persone e famiglia, cose, diritti reali, possesso, obbligazioni. Palermo, 1989.
13. *Дождев Д.В.* Римское частное право: Учеб. для юрид. вузов и факультетов / Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М., 2000.
14. *Pastori F.* Gli istituti romanistici come storia e vita del diritto. Milano, 1988.
15. Общая теория государства и права: В 2 т. М., 2001.
16. *Scapini N.* Istituzioni di diritto romano: fatti e atti giuridici, tutela giuridizionale dei diritti. Parma, 1992.
17. *Капустин М.Н.* Институция римского права. М., 1880.
18. *Bonfante P.* Istituzioni di diritto romano. Milano, 1987.
19. *Burdese A.* Manuale di diritto privato romano. Torino, 1993.
20. *Hölder E.* Istituzioni di diritto romano. Napoli, 1887.
21. *Bruçi B.* Istituzioni di diritto romano (diritto privato Giustineano). Torino, 1926.
22. *Pacchioni G.* Manuale di diritto romano. Torino, 1935. Vol. 2.
23. *Voci P.* Istituzioni di diritto romano. Milano, 1996.